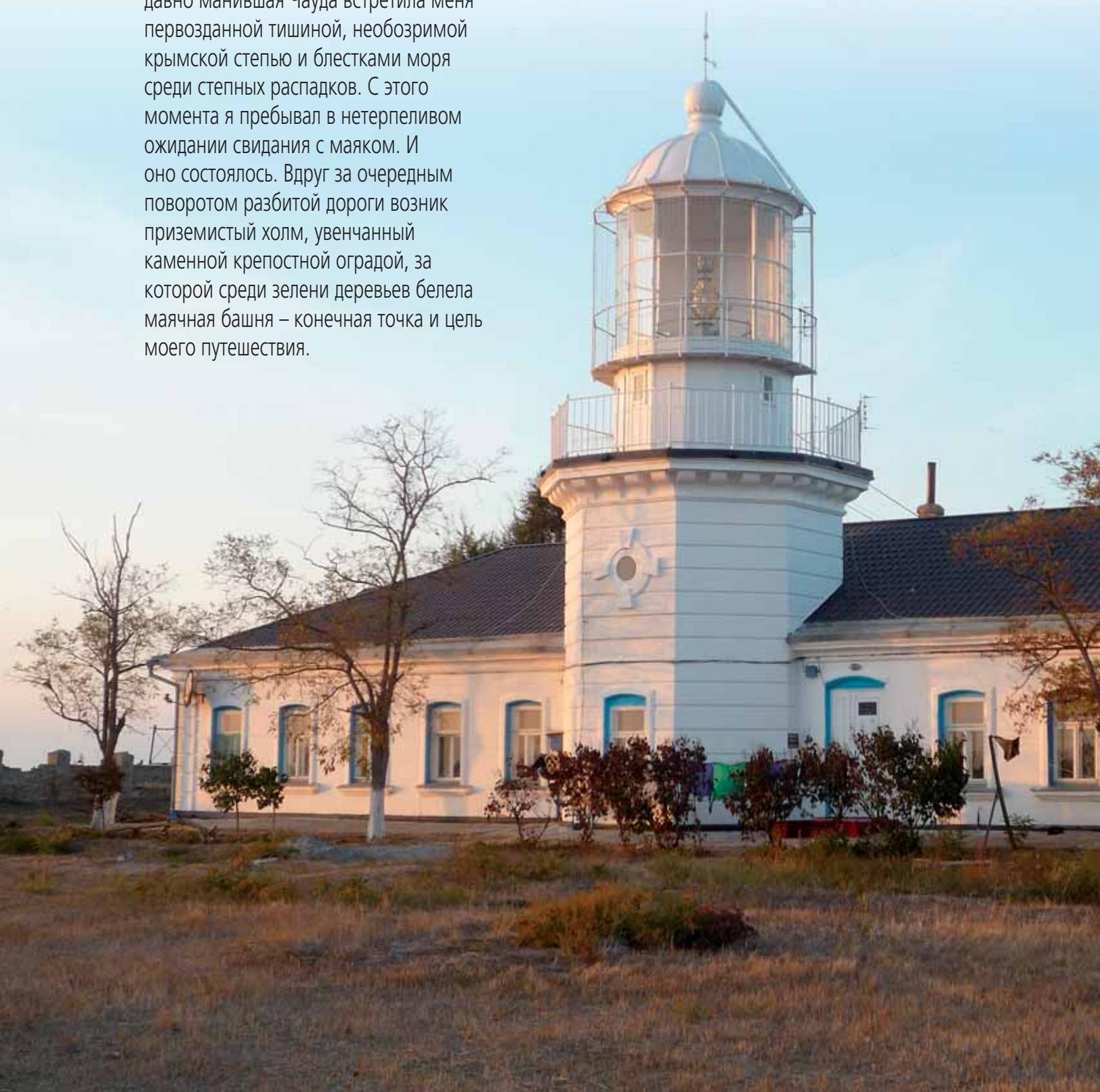

Чауда

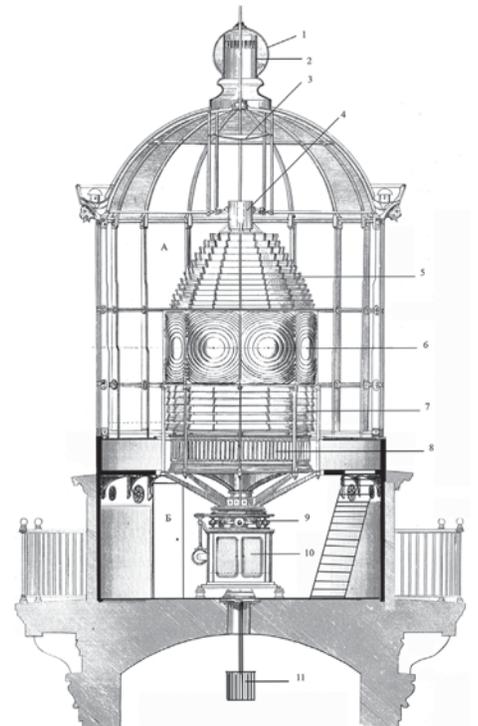
Сергей Аксентьев ▶ Загадочная, давно манившая Чауда встретила меня первозданной тишиной, необозримой крымской степью и блесками моря среди степных распадков. С этого момента я пребывал в нетерпеливом ожидании свидания с маяком. И оно состоялось. Вдруг за очередным поворотом разбитой дороги возник приземистый холм, увенчанный каменной крепостной оградой, за которой среди зелени деревьев белела маячная башня – конечная точка и цель моего путешествия.

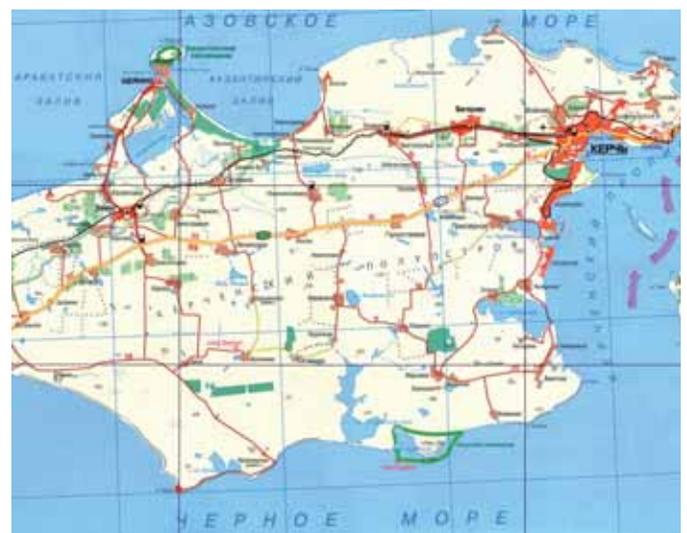
Маяк после восстановительного ремонта, 1950 год

Оптический аппарат Чаудинского маяка (реконструкция) ➔

Какая ты, древняя Чауда?

Чауда (крымскотатарское родоплеменное название Чавдар) – обрывистый мыс на востоке Феодосийского залива (45°00' N; 35°50' E), южная оконечность Керченского полуострова. Мыс, сложенный из крупных плит окаменелого ракушечника, невысокий (15–30 м), но обрывистый, окаймлен рифом, уходящим в море в направлении NE почти на милю. Это ландшафтный и геологический заповедник, а еще – один из бывших военных испытательных полигонов, ныне заброшенный, но по-прежнему недоступный для массового посещения. В начале 60-х годов XX века здесь отработывали приводные спускаемых космических аппаратов, производили испытания крылатых и зенитных управляемых ракет. Немногочисленные селения, когда-то процветавшие и богатые, ныне безжизненны. Впервые попавшему в эти места человеку открывается грустная картина железобетонных скелетов

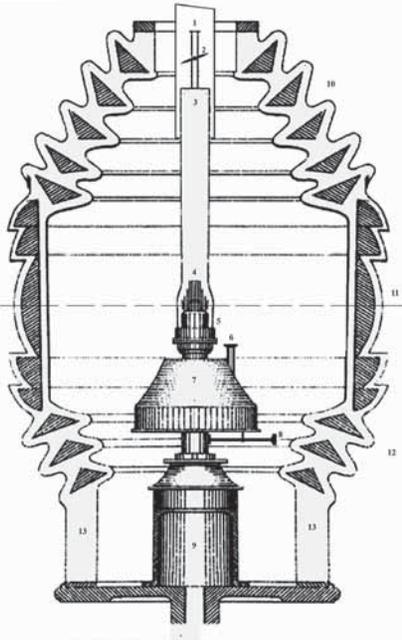

Схема внутреннего устройства оптического аппарата

Современный оптический аппарат маяка

Внутри башни. Центральная труба, по которой опускался груз

животноводческих ферм, зерновых токов, ржавеющих остовов комбайнов и тракторов, да разваливающимися крестьянских изб с незрячими глазницами окон.

Однако пустынный ныне мыс уже в доисторические времена был обитаем. На это указывают развалины античного городища Казек, фрагменты амфор, изредка попадающиеся на раскопе, и четыре древних колодца, один из которых действует и поныне.

Здесь нужен маяк

Чрезвычайные происшествия с судами у мыса Чауда случались всегда. Особенно зимой, когда свирепствуют северо-восточные ветры с морозами. Но никто на них особо не обращал внимания, пока не погиб военный транспорт «Абин» в декабре 1848 года. Однако конкретных мер по ограждению опасного места тогда принято не было. Через четырнадцать лет случилась новая беда. В ночь с 3 на 4 декабря 1862 года здесь сел на мель пароход «Орест». Не утихали шторм и метель, температура воздуха упала до минус 16°C. К рассвету пароход полностью покрылся льдом, и капитан приказал всем покинуть обреченный «Орест». 27 человек, в основном пассажиры, погибли в снежном плену. Большая часть спасшихся, в том числе и капитан парохода Витвицкий, сильно пострадали от обморожения. Некоторым пришлось ампутировать руки или ноги. Витвицкого отдали под суд. Следствие не установило в его действиях вины. Капитана оправдали, но изувеченный морозом и глубоко потрясенный случившимся, он вскоре скончался.

Комиссия, занимавшаяся расследованием трагедии, пришла к выводу: «Если бы на мысе Чауда был сооружен маяк 1-го разряда, возвышающийся на 100 футов от поверхности моря, то его огонь предохранил бы от крушения транспорт «Абин» и пароход «Орест», несмотря на неблагоприятные атмосферные условия».

По приказу Морского министра был спешно разрабо-

тан проект маяка. Строительство было одобрено, но денег в казне на тот момент не оказалось. Потом (1877–1878) случилась очередная Русско-турецкая война, и сооружение маяка «заморозили». Его построили лишь в сентябре 1886, а действовать он начал 12 августа 1888 года. На маяке с момента его ввода в строй велись систематические метеонаблюдения, ежедневно передаваемые по телефону в Феодосию.

Подарок из прошлого

Смотритель маяка Виктор Васильевич Голубев показал нам свое хозяйство. Просторный двор и огород ухожены, жилой дом и хозяйственные постройки аккуратно выкрашены. Белые акации под большими светлыми окнами заботливо обкопаны и побелены. Но особенно хорош маяк, изящно вписанный в одноэтажное жилое здание талантливой рукой архитектора.

Просторный стеклянный цилиндр увенчан куполом с шаром и шпилем громоотвода. Фонарное сооружение уже второй век надежно укрывает оптический осветительный аппарат Чаудинского маяка от капризов погоды. Сегодня мало кто знает, что до конца 50-х годов XX века оно служило хранителем маячного огня, обеспечивая максимальную яркость его свечения и защищая факел горелки от случайного погасания. К маячному огню требования предъявлялись жесткие: пламя горелки высотой 10–14 см, оставаясь ярким и прозрачным, не должно было выходить за пределы фокусов всех оптических линз. Иначе световой луч размывался, дальность видимости огня уменьшалась, не соответствуя заявленной в «Огнях и знаках» и указанной на штурманских картах. Поддерживать такой режим горения в течение 10–14 часов работы маяка можно только в помещении большого объема с непрерывным притоком в зону горения достаточного количества свежего воздуха и полным отводом в атмосферу продуктов горения.

Шестнадцатигранный стеклянный цилиндр диаметром 3.5 м собран из металлических рам артиллерийской стали, скрепленных болтами. В пазы рам герметично вставлены толстые зеркальные штормовые стекла. Высота зеркальной части фонаря соответствует высоте оптического аппарата. Это исключает рассеяние выходящего светового потока. Часть фонарного сооружения, обращенная в степь, защищена металлическими щитами.

Чтобы не «сорвать» пламя и не разрушить каплями конденсата, дождя или снежной пыли разогретую оптику и особенно хрупкую стеклянную колбу горелки, фонарь надежно укрыли клепаным двухсводным медным куполом. В знойные летние дни, когда температура наружного воздуха зашкаливает за 40°C, воздушная прослойка между сводами не позволяет внутреннему куполу нагреваться до недопустимых значений, ночью отпотевать, а в ненастье пропускать влагу или снег, в бурю – пыль и морские брызги.

Фонарное сооружение, дошедшее до нас в первозданном виде, покоится на прочном цоколе высотой 2.2 м, используемом как служебное помещение для вахты. Как и в старые времена, во время работы осветительного аппарата вход в служебный отсек и сейчас всем кроме вахты запрещен.

Огонь маяка

Внутри служебного отсека я потрогал руками чудом сохранившиеся остатки первого маячного вращательного аппарата. Сейчас такие аппараты можно увидеть только на рисунках, дошедших до нас в немногочисленных старинных книгах по маячному делу, да среди экспонатов Национального морского музея в Париже. А вот уникальный светооптический маячный аппарат 1888 года не сохранился, техническое описание и чертежи тем более. Однако, в фондах Российской государственной и Севастопольской морской им. М. П. Лазарева библиотек нашлось несколько книг второй половины XIX века, посвященных маячному делу. Большим подспорьем в работе оказалось богато иллюстрированное издание по истории маячного дела во Франции (2005).

В середине XIX века французские специалисты установили, что красный свет воздействует на сетчатку глаза сильнее, опознается по цвету сразу же с его открытием и проникает сквозь туман и дымку лучше, чем зеленый и синий. Правда, с удалением от источника излучения он слабеет и наступает момент, когда судно перестает его видеть, в то время как белый огонь по-прежнему хорошо наблюдаем. Такое мнимое изменение характеристики маячного огня недопустимо по условиям безопасности мореплавания. Помня, что яркость проблеска всегда больше яркости постоянного огня, разработчики Чаудинского маяка на фон постоянного белого света наложили красный и белый проблески. А чтобы наблюдаемость оставалась одинаковой на всех дистанциях, оптические свойства проблесковых линз по отношению к остальным усилили.

Оптический аппарат Чаудинского маяка был внуши-

тельных размеров (максимальный диаметр – 1.84 м, высота – 2.5 м) и представлял собой своеобразный хрустальный кубок, собранный из кольцевых катодиоптрических и плоских линз. Две диаметрально противостоящие линзы имели повышенную оптическую мощность. Перед одной из них укреплялся красный светофильтр. Вторая давала белый проблеск. Время продолжительности каждого проблеска составляло около 15 секунд. При полном двухминутном обороте оптического аппарата вокруг вертикальной оси наблюдатель видел два отчетливо чередующихся через минуту проблеска на фоне несколько приглушенного постоянного белого света. В Лоцманских заметках за 1888 год об этом сказано так: «Огонь постоянный белый с проблесками белыми и красными попеременно через одну минуту». Эта характеристика оставалась неизменной более семидесяти лет.

Утром вахтенная смена наводила порядок в фонарном и служебном отсеке. Вечером, за час до начала освещения, чехлы с оптики и каретки снимали. Резервуар горелки заполняли свежим отфильтрованным маслом и приступали к розжигу. Регулировали высоту и яркость пламени. На эту операцию уходил примерно час. Выполнялась она при задернутых шторах фонарных стекол. Незадолго до наступления поздних сумерек пламя горелки доводили до максимальной яркости и прозрачности, запускали вращательную машину. С выходом оптического аппарата на рабочий режим вращения, шторы раздвигали, и маяк начинал очередной цикл ночной вахты.

Ни революции, ни войны не разрушили затерянный в бескрайних просторах Чаудинского мыса маяк. После освобождения Крыма от фашистов частично пострадавший от пожара дом восстановили, к весне 1950 года капитально отремонтировали маячную башню, служебные и подсобные помещения. Установили на место снятый перед войной оптический аппарат, и маяк продолжил прерванную службу.

В 1956 году огонь перевели на электрическое освещение, а в 1969 году оптический старец, честно отслуживший семьдесят лет на благо мореплавателей, уступил место современному невращающемуся электромаячному аппарату ЭМН-500. Огонь Чаудинского маяка стал теперь белым длительно-проблесковым с периодом свечения 24 секунды. Тогда-то, по-видимому, «за ненадобностью», вращательную машину вместе с приводной кареткой разобрали. Нам от всего этого великолепия досталось немного. А жаль...

